

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.1>

UDC 94(100)“1914/19”:316.653
LBC 63.3(0)532+72*63.3

Submitted: 15.11.2021
Accepted: 17.01.2022

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC SPHERE DURING WORLD WAR I: ATTITUDE TO WAR AND PEACE

Ekaterina A. Antyukhova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Valerii F. Blokhin

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The paper analyses the Russian public sphere during World War I. Special attention is paid to the peculiarities of the functioning of the periodical press under the conditions of military censorship. The paper demonstrates how censorship restrictions regulated the discussion of issues that were of special political importance and transformed the publicity regime in the country. *Methods and materials.* The presented work is based on the principles of historicism and objectivity. The methodological framework for writing the article is the public sphere model proposed by J. Habermas, as well as special methodological approaches developed in the works of N. Luhmann. With a view to understanding and analysing the processes taking place in the public sphere, the research method of case studies is used. The source base of the study, in addition to publications in periodicals, consists of official documents regulating the activities of military censorship institutions in Russia. *Analysis.* The study reveals and demonstrates the possibilities of the periodical press to create a special sphere of publicity in the country through the information impact on the population. The article states that the press at the early stage of World War I did not differ in the variety of opinions, made no attempt to develop an objective overview of what was going on. First of all, the issues of the “fair war” and “inevitable victory” were brought up, which fueled the atmosphere of patriotic euphoria. At the same time, the military censorship suppressed any attempts to discuss the possibility of making peace between belligerent countries, even if they came from the supporters of military conflict, as it was the case with the article by P.A. Sorokin. The same trend was observed both in 1915 and 1916. Mentioning peace on the pages of the periodical press was equated with violations that the enemies could use to their advantage. *Results.* Thus, the press acted as only one, albeit very important, element of the public sphere within which the formation of public opinion took place during World War I. The mechanisms of the public sphere fulfilled one of the key tasks: due to its influence the population was mobilized in all areas of its practical activity. At the very beginning of the war, the press stood in solidarity with the authorities regarding the inevitability of the future victory of Russia and the need to protect the Fatherland from enemy attacks. The question of the duration of hostilities and the advent of peace was more complicated. However, as the war continued and the internal political crisis grew, the attitude towards the early conclusion of peace was changing, gradually transforming into hatred of all the actors of the war in the public sphere, with its own authorities taking the place of the enemy governments. Throughout the war, the pressure on the media by the censorship striving to maintain a pro-government publicity regime increased. However, at some point the transformation of the public sphere became irreversible and in many ways predetermined the events of 1917. *The authors' contribution.* E.A. Antyukhova has defined the methodological approaches to the interpretation of the documents of the periodical press of World War I in terms of the public sphere, demonstrated its possibilities in the formation of public opinion. V.F. Blokhin has analyzed the existing points of view in the domestic and foreign historiography on the features of the functioning

© Антюхова Е. А., Блохин В. Ф., 2022

of the periodical press under the conditions of World War I, demonstrated the work of military censorship at different stages during the military conflict.

Key words: World War I, periodical press, censorship, public sphere, problem of war and peace.

Citation. Antyukhova E.A., Blokhin V.F. Transformation of the Public Sphere During World War I: Attitude to War and Peace. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 6-19. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.1>

УДК 94(100)“1914/19”:316.653
ББК 63.3(0)532+72*63.3

Дата поступления статьи: 15.11.2021
Дата принятия статьи: 17.01.2022

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНЕ И МИРУ

Екатерина Андреевна Антюхова

МГИМО МИД России,
г. Москва, Российская Федерация

Валерий Федорович Блохин

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация

Аннотация. В работе предпринят анализ российской публичной сферы периода Первой мировой войны. Заметное внимание уделяется особенностям функционирования периодической печати в условиях военной цензуры. Продемонстрировано, каким образом цензурные ограничения регламентировали обсуждение вопросов, обладавших особой политической значимостью, трансформируя режим публичности в стране. Представленная работа основывается на принципах историзма и объективности, методологической основой послужила модель публичной сферы, предложенная Ю. Хабермасом, а также специальные методологические подходы, разработанные в трудах Н. Лумана. Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентировавших деятельность военно-цензурных учреждений России. В ходе исследования выявлены и продемонстрированы возможности периодической печати в формировании особой сферы публичности в стране через информационное воздействие на население. В статье констатируется, что пресса на начальном этапе Первой мировой войны не отличалась разнообразием мнений, а военная цензура пресекала любые попытки рассуждений о возможности заключения мира между воюющими странами. Эта же тенденция прослеживалась и в 1915 г., и на протяжении 1916 года. *Вклад авторов.* Е.А. Антюхова определила методологические подходы интерпретации документов периодической печати периода Первой мировой войны в аспекте публичной сферы, продемонстрировала ее возможности в формировании общественного мнения. В.Ф. Блохин осуществил анализ имеющихся точек зрения в отечественной и зарубежной историографии на особенности функционирования периодической печати в условиях Первой мировой войны, продемонстрировал работу военной цензуры на разных этапах в ходе военного конфликта.

Ключевые слова: Первая мировая война, периодическая печать, цензура, публичная сфера, проблема войны и мира.

Цитирование. Антюхова Е. А., Блохин В. Ф. Трансформация публичной сферы в годы Первой мировой войны: отношение к войне и миру // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения.* – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 6–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.1>

Введение. Для оценок особенностей российской публичной сферы периода Первой мировой войны важен как анализ механизмов официальной пропаганды и особенностей цензурного контроля за суждениями, вызывавши-

ми общественный резонанс, так и учет регулярно проявлявшегося стремления населения прямо или косвенно воздействовать на представления друг друга в рамках существовавшей структуры публичной коммуникации.

Эффект публичности находил выражение в газетах и «толстых» журналах, в художественно-публицистических произведениях, в литературной критике, в трактатах и памфлетах, а также в распространяемых слухах, в салонных и бытовых разговорах.

Применительно к различным этапам войны, когда Россия имела военные успехи или терпела неудачи, формировался соответствующий режим публичности, в рамках которого обострялись цензурные воздействия, следовали административные санкции, или, наоборот, проявлялось очевидное и даже демонстративное равнодушие к обсуждаемым проблемам. Однако и в первом варианте, и во втором существовали темы, обладавшие особым политическим весом и значимостью, претендующие на роль своеобразных социально-политических инструментов.

Из всего их многообразия можно выделить две основные. Лейтмотивом первой было утверждение «победа будет неизбежной», а второй – «война ведется для того, чтобы защитить отечество от неспровоцированного нападения». Эти две позиции сопровождала третья тема, которая обязательно присутствовала в публичной сфере противостоявших сторон – о «способности и необходимости продолжения войны». Если в основе обсуждения двух первых лежало подкрепляемое цензурными ограничениями непоколебимое доверие к верховной власти, то в отношении дискуссий по последней запреты зачастую оказывались бессильными. Ее проблематика обуславливалась степенью готовности населения следовать за своими правительствами в возникшем противостоянии, а формировалась эта готовность на уровне индивидуальных установок, определявшихся социально-экономическими, духовными, семейными и многими другими обстоятельствами. Пропагандистский ресурс оказывался не всегда эффективным в этом многофакторном поле.

Стороны конфликта пристально следили за настроениями в стане противника, а печать, выступавшая в качестве одного из эффективных средств воздействия на общественное мнение, одновременно являлась вольным и невольным способом его отражения. Вот почему со стороны военной цензуры России и

Германии самые жесткие ограничения касались рассуждений о возможностях достижения мира, а периодическая печать обеих стран до поры до времени с удовлетворением констатировала наличие даже малейших проявлений такой «слабости» у противника.

В статье воспроизведена часть текста неизвестной до настоящего времени публикации российско-американского социолога П.А. Сорокина, являвшегося в годы Первой мировой войны сотрудником петроградской газеты «Вечернее звено». Издание целиком не сохранилось, и в ведущих библиотеках страны имеются только отдельные его номера. Текст статьи будущего известного ученого, раскрывающий его отношение к проблеме войны и мира, не был опубликован, но оказался среди изъятий из газеты военным цензором, дойдя до нас в архивных документах. Помимо важности сохранения научного и литературного наследия Питирима Сорокина, его публикация имеет и вторую весомую составляющую, позволяющую проиллюстрировать заявленный политический контекст проблемы отношения к миру.

Историография. Изучение вопросов функционирования печати в условиях военного времени, в том числе опыта информационного воздействия на население в годы Первой мировой войны, активизировалось в рамках советской науки в середине 1920-х годов. В определенном смысле это было обусловлено внешнеполитическим кризисом англо-советских отношений, грозившим перерасти в полномасштабный военный конфликт. Не случайно в изданной в этот период книге бывшего генерал-лейтенанта Российской императорской армии Н.М. Потапова, перешедшего на службу к большевикам, интерпретировались функции печати военного времени [24], что нашло отражение в оглавлении разделов работы: «Роль печати в современной войне», «Военная работа печати», «Руководство печатью во время войны».

Потенциальные противники Советской России были озадачены приблизительно теми же проблемами. В 1927 г. была издана в Лондоне, а в 1929 г. опубликована в СССР книга американского политолога Гарольда Дуайта Лассуэлла (Harold D. Lasswell) «Техника пропаганды в мировой войне» (в современном

перевод переиздана в 2021 г.). В предисловии от советского издательства отмечалось, что издание займет видное место «в арсенале советского журналиста, агитатора, пропагандиста» [16].

Специальная глава под названием «Печать и война» содержалась в написанной в это же время книге Ф.Л. Блументаля «Буржуазная политработа в мировую войну, 1914–1918: обработка общественного мнения». В ее первой главе пояснялось, что политическая пропаганда и есть та самая «политическая работа», о которой идет речь в заглавии книги [7]. Автор явился также редактором перевода еще одного издания, которое увидело свет на родине в 1920 г., а в СССР было опубликовано в 1928 г. – книги Кэмпбелла Стюарта «Тайны дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг.» [28]. Таким образом, в 1920-е гг. в Советском Союзе появились труды, в которых на основе опыта Первой мировой войны анализировались особенности функционирования пропаганды и выявлялся пропагандистский потенциал прессы.

Однако в дальнейшем интерес к массовой периодической печати периода 1914–1918 гг. возродился только в 1970-е годы. Так, участию прессы в политическом военном противостоянии была посвящена монография А.Ф. Бережного «Русская легальная печать в годы Первой мировой войны» [5].

В постсоветской историографии появились исследования периодической печати не только с точки зрения ее роли в агитации и пропаганде, но и как культурной составляющей определенной исторической эпохи, выразительницы интересов и мнений различных слоев населения. Материалы газет и журналов периода Первой мировой войны служили источником для демонстрации общественных настроений. В результате исследований было выявлено, что по мере развития военного конфликта средства печати отказались от функции критического отображения происходившего и превратились в манипуляторов общественным мнением [11].

Однако появившиеся труды в своем большинстве не претендовали на серьезное обобщение, ограничиваясь изучением отдельных газет и журналов. Исключением можно счи-

тать работы известного специалиста в области истории журналистики Г.В. Жиркова [12], который попытался реконструировать своеобразие функционирования периодической печати в условиях военного цензурного режима.

Среди изданий последних лет следует отметить вышедший в 2017 г. заключительный шестой том объемного издания «Первая мировая война 1914–1918 годов» [23]. Материалы книги отразили особенности принятия ключевых решений, связанных с войной, за закрытыми министерскими дверями, но с учетом массовых настроений, заставлявших правительство активно действовать на «информационном фронте».

Многоаспектный взгляд на проблему, в том числе развернутый анализ специфики функционирования цензуры и пропаганды в военный период, содержится в последней книге немецкого историка Эберхарда Демма (Eberhard Demm) [31]. При этом автор констатирует, что рассматриваемая им тема по-прежнему является малоизученной.

Непосредственно деятельности российской военной цензуры посвящено по-прежнему небольшое число научных работ [2; 4; 6; 10; 22]. В настоящее время очевидной необходимостью является выполнение исследовательских проектов по дальнейшему изучению механизмов официальной пропаганды и особенностей режима публичности в условиях войны. Публичная сфера в годы Первой мировой войны была связана с коллективной формой понимания социальной действительности. Она выступала в рамках политической системы в качестве посредника в коммуникации между официальными и неформальными структурами как инструмент давления на государственный аппарат, поэтому нуждалась в особом изучении. Одну из первых попыток в российской исторической науке интерпретировать публичную сферу предприняли авторы сборника статей, подготовленного в 2021 году. Они рассмотрели режимы публичности, существовавшие в России на различных этапах ее истории [21], однако, к сожалению, практически не затронув периоды войн, когда в этой сфере происходили значительные изменения.

Методы и материалы. В статье на основе модели публичной сферы, предложен-

ной Юргеном Хабермасом в работе «Структурное изменение публичной сферы» [29], осуществлена интерпретация некоторых аспектов медийного пространства Российской империи в годы Первой мировой войны. Под «публичной сферой» нами понимается институт (в данном случае ее часть – периодическая печать), в рамках которого происходило обсуждение общественно значимых вопросов и проблем, превращавших его в площадку для формирования общественного мнения. Авторы констатируют, что в отличие от Англии, Франции и Германии публичная сфера в Российской империи начала формироваться только во второй половине XIX века. Введение военной цензуры в начале Первой мировой войны сократило возможности гражданских дискуссий на страницах печати, что привело к ее деформации.

Идеи немецкого социолога Никласа Лумана, изложенные им в работе «Реальность массмедиа», дали возможность авторам рассматривать периодическую печать Российской империи как обособленную социальную систему, в которой происходило «удвоение или конструирование реальности». Н. Луман утверждал, что «то, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» [18, с. 8]. Реальность, созданная в средствах массовой информации, по его мнению, воспринимается как сама реальность, что, как считают авторы, позволяет выявить ее потенциальные возможности по манипулированию общественным сознанием, в том числе в пропагандистском ключе.

Представленная работа основывается на принципах историзма и объективности. Системно-исторический метод позволил комплексно подойти к анализу основной проблемы – отношению к мирному разрешению возникшего широкомасштабного военного конфликта, которое генерировалось в публичной сфере Российской империи с началом Первой мировой войны. С целью понимания и анализа происходивших процессов, протекавших в этой сфере, был использован исследовательский метод кейс-стади (case study).

Отдельные эмпирические кейсы, которые рассматриваются в статье, должны, по мнению авторов, проиллюстрировать особен-

ности режима публичности, который задавался цензурными ограничениями, выявить условия, при которых обсуждение ряда актуальных тем и вопросов становилось политическим действием, влиявшим не только на ситуацию в стране, но и на международную повестку, вплоть до генерирования военного конфликта, то есть превращалось в «коммуникативную власть».

Источниковая база представленного исследования, помимо публикаций в периодических изданиях, состоит из официальных документов, регламентировавших деятельность цензурных учреждений России: материалов фонда «Военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати», хранящихся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, а также документов из Российского военно-исторического архива в г. Москве.

Анализ. Первая мировая война, унесшая жизни более пятнадцати миллионов человек, уничтожившая три империи, началась спустя тридцать дней после роковых событий 28 июня 1914 г., когда эрцгерцог Франц Фердинанд, старший из племянников кайзера и наследник престола, и его жена София были убиты в результате покушения в Сараево. С тех пор прошло более ста лет, но, несмотря на столь внушительный временной отрезок, значимость для исторической и политической науки связанных с ней вопросов не утратила своего первоначального звучания.

Современные исследователи справедливо усматривают в этих событиях не только небывалое по числу участников военное противостояние, но и разногласия по поводу различного отношения к жизненным идеалам и даже «конфликт разных философских мировосприятий и принципов» [19, с. 90]. Важным обстоятельством выступает тот факт, что широта последних изысканий основывается на привлечении новых источников самого разнообразного содержания: от солдатских писем до статей в периодической печати, мемуаров и философских трактатов.

Избегая категоричных выводов по вопросу о предубежденности средств печати в условиях начавшейся войны, об их отказе от отражения общественных настроений в пользу манипулирования ими, отметим, что большин-

ство журналистов периодических изданий руководствовалось необходимым профессиональным кодексом поведения, не допускавшим полную капитуляцию перед субъективным мнением цензуры или навязанной официальной точкой зрения.

Одновременно признаем, что пресса на начальном этапе войны не отличалась разнообразием мнений, а главное, не предпринимала попыток выработать особое авторитетное представление о происходивших событиях. Запальчивый патриотизм средств массовой информации являлся отражением общих настроений, господствовавших в обществе, и утверждение о неизбежности победы в начавшейся войне, а также разоблачение коварного врага, вина которого в развязывании войны не вызывала ни у кого сомнений, регулярно подпитывался этими настроениями.

В оправдание прессы следует сказать, что возникшая воображаемая реальность общественного единства, вызванного войной, многими оценивалась как своеобразная общественная перезагрузка, старт новых отношений в обществе, страдавшем от острых социально-экономических разногласий. Отсюда действия военной цензуры, пытавшейся пресечь минимальные попытки рефлексий о проблемах войны и мира в формулировках заголовков и новостных материалах даже у тех, кто на первый взгляд не выходил за рамки сформировавшегося режима публичности, не вызывали общественного противодействия.

На наш взгляд, в этом плане показателен эпизод, связанный с неизвестным ранее материалом в газете «Вечернее звено», относящемся к 5 сентября 1914 года. Статья принадлежала перу российского и американского социолога, на тот период являвшегося кандидатом на степень магистра в Петроградском университете, Питирима Александровича Сорокина.

В своей «Автобиографии», написанной позже за границей, он отмечал: «Если в начале войны царское правительство поддержала вся нация, то его неготовность и растущая неспособность успешно вести оборону страны быстро подорвали патриотическую поддержку, доверие к правительству и его престиж» [27, с. 72]. Себя П.А. Сорокин относил к этому большинству, заявляя: «Прав я был

или нет, не знаю, но я одобрял позицию социал-патриотов» [27, с. 74].

В архиве цензурного ведомства сохранились гранки его статьи с «исключениями» (вычеркнутыми местами. – Е. А., В. Б.), сделанными просматривавшим ее цензором. Весь зачеркнутый текст связан с попытками П.А. Сорокина объяснить политические взгляды тех, кто выступал накануне и в начале мировой войны за эскалацию конфликта.

Представляя свое видение проблемы, автор высказал критические суждения о сторонниках и противниках войны. Уже само по себе заявление о наличии таких мнений не допускалось цензурой, тем более если речь шла о довольно подробном освещении позиции этих существовавших сил. Здесь уместно привести слова из книги В.Л. Агапова, одного из авторов исследования, посвященного истории печати: «...знание истории цензуры необходимо, чтобы за тем, о чем писала пресса, видеть то, о чем она была вынуждена молчать...» [1, с. 33].

Примечателен стиль статьи П.А. Сорокина, называвшейся «“Моральные надрывки” (“Легкомысленные трубадуры” и “мнимые праведники”»)» [3, л. 4–4 об.]. В 1914 г. профессия журналиста в значительной степени воспринималась как литературная деятельность, при помощи которой не только продвигались определенные идеи, но и расширялась читательская аудитория. Очевидно, что автор публикации с особым усердием реализовывал такое видение своей задачи, переполняя текст замысловатыми аллегориями, способными в том числе и усыпить бдительность военной цензуры.

П.А. Сорокин задавался вопросами, ««непроизвольно всплывшими на поверхность нашей совести»: “Как быть? Как отнестись к войне? Отказаться ли от мира во имя войны или проклясть войну во имя мира?”» [3, л. 4]. Вслед за этим автор попытался представить взгляды последователей противоположных точек зрения, критически высказываясь и о «бездумных сторонниках войны», и о ее противниках.

Зачеркнутый цензором текст содержал оценку тех, кто безоговорочно поддерживал войну: «Они просто опорожнили свою совесть от старых формул и с легкой душой, и с без-

заботным сердцем, забили в бубны и тимпаны, забряцали оружием и затем дидтрамбы (так в гранках. – Е. А., В. Б.) войне и ее стихийно-кровавой симфонии. Засучив рукава, «заеунув руки в брюки», они, подобно Азову из “Дня”, засвистали легкомысленно: “воевать так воевать”» [3, л. 4].

Со всей очевидностью цензор был категорически против авторской позиции, несмотря на то что П.А. Сорокин в конце публикации однозначно высказывался о близости ему (при определенной корректировке) точки зрения именно этой части общества. По его утверждению, ему были «противны» те, кто активно выступал против войны.

Однако и остальные рассуждения о сторонниках войны также были безжалостно уничтожены цензором: «~~Какое им дело до того, что сотни тысяч здоровых людей сложат свои головы! Что им вопли и стоны раненых! Что им до того, что цветущие поля обратятся в растоптанную грязь, что города и села растают в пожаре огня и меча. Пусть страдают матери и жены, пусть корчатся от боли нежные тела и чистые души детей! Что им до этого!~~

~~Разгильдяйски, бесшабашно они закрыли глаза на все эти явления, забыли вечные заветы, весело оседлали своего игривого Роеинанта и затрубили: “Гром победы раздавайся! Воевать так воевать”. Так решили “надрывать” эти трубадуры легкомыслия, решающие мировые проблемы, “ковыряя в нос» [3, л. 4 об.] (так в тексте. – Е. А., В. Б.).~~

В заключительной части статьи, раскрывавшей позицию самого автора, также присутствовали цензорские изъятия текста: «Я не люблю ни тех, ни других. ~~Если противны легкомысленно разгильдяйские трубадуры войны, способные только фланировать по проспектам и воинственно бряцать за вынужденным столом, то еще более противны очерченные твердокаменные праведники, жертвующие всем миром во имя мнимой чистоты их маленькой, плюгавенькой совести. Трубадуры легкомысленны и в этом их извинение» [3, л. 4 об.]~~

В концовке текста П.А. Сорокин высказал причины своей поддержки начавшейся войны. Эту его позицию цензор, вероятно, вполне разделял, поскольку на данную часть ста-

ть его карандаш не посягал: «И теперь, как и раньше, истинное решение “надрыва” дали Платоны Каратаевы, те “серые герои”, то “пушечное мясо”, которое устилает своими трупами поля Австрии, Пруссии и нашей окраины. Они знают, что война – бедствие. Но знают также, что теперь это бедствие еще неизбежно: не пробил еще час “мира всего мира”. <...> Поэтому совесть дает одно решение, один императив: принять удары войны на свое тело, подставить свою грудь, наравне с другими под пули и сабли!» [3, л. 4 об.]

Измененный текст статьи практически полностью переиначил ее смысл. Первоначально были рассуждения о позициях двух сторон и авторские сомнения насчет своего собственного выбора между поддержкой войны и ее осуждением. В остатке оказалась критика «мнимой праведности и моральной доблести» в пользу сторонников военного конфликта. Задача, стоявшая перед военным цензором, была успешно решена.

Постепенно, по мере расширения масштабов военного конфликта, значительно возросло число тем, которые подпадали под действие военной цензуры, внутренняя пропаганда обрела масштабные размеры, хотя и в том, и в другом стала проявляться некоторая усталость. Определенные запреты переставали действовать, хотя и не отменялись, но проблема мира не входила в их число и продолжала вызывать резкое противодействие со стороны военной цензуры.

Возможность примирения в условиях обострения конфликта зависела от духовной атмосферы, царившей в различных странах, от готовности отказаться от накопившихся претензий друг к другу. Однако в большинстве государств, занимавших ключевые позиции в набиравшем обороты конфликте, происходили процессы, совершенно противоположные примирению.

Например, в российском иллюстрированном журнале «Лукоморье» рассказывалось о повсеместной «мобилизации» воинствующей поэзии, наблюдаемой практически во всех периодических изданиях, печатавших «пулементные стихи». Это новое явление оценивалось следующим образом: «Еще не засвистели пули, не пролилась кровь, а уже 10,000 поэтов непобедимой армадой двинулись на вра-

га, – иронизировал автор фельетона, – великое единодушие проявила в те дни поэзия. Куда девались акмеизмы с футуризмами, как сквозь землю провалились направления, нет больше вырожденцев, нет отщепенцев, все патриоты, все спасают отечество» [25, с. 16]. Причину активизации (мобилизации) литературных сил журнал видел в появлении новых возможностей, пришедших вместе с развивавшимся конфликтом. До войны – безземье, библиотечная пыль, «а теперь пришли золотые времена. Каждый день что-нибудь и выплывет новенькое – то “Лузитания” (британский трансатлантический пассажирский пароход, затопленный немецкой подводной лодкой. – *Е. А., В. Б.*), то “обрезанные уши”. А если иной день и без сенсации – все же можно подергать за усы “безумного Вильгельма”» [25, с. 17].

Собственные традиции, культура представлялись в печати исключительно в позитивном ключе и противопоставлялись традициям и культуре потенциальных противников в будущей войне. Например, во Франции немцев называли только пренебрежительно «бошами», в Англии использовали термин «Hun» (варвары), а в российской печати – «обезумевшие тевтоны» [17, с. 7].

Применительно к самой Великобритании во многих странах прилагалось определение «трусливый Альбион», говоря о России, толковали об «азиатском деспотизме» и варварстве. В Германии периодическая печать была полна рассуждений о необходимости борьбы за собственную идентичность, за «место под солнцем», немцы представлялись исключительно «культурной нацией», что служило в свою очередь в странах Антанты обоснованием необходимости борьбы с агрессором.

Призыв к привлечению и концентрации всех материальных и духовных возможностей, которыми располагала Россия для победы над врагом, обретала иногда довольно причудливые формы. Слово «мобилизация» в 1915 г. звучало на всех совещаниях, не сходило со страниц газет. «Мобилизовывалась» промышленность и урожай этого года, чугун, банковский и торговый капитал. В периодических изданиях было отведено место и идее всероссийской интеллектуальной мобилизации, а также «мобилизации печати», которая содержала в каче-

стве ключевой идею сохранения «национального бытия». В отличие от экономической мобилизации, интеллектуальная была в большей степени направлена внутрь страны.

Противостоящие друг другу в войне государства пристально следили за публикациями в периодических изданиях противостоящей стороны, пытаясь уловить общее настроение, господствовавшее в стане соперников, а особенно – возможную смену состояния духа, проявляющуюся в изменении общего настроения печати. Достоверность получаемых таким образом сведений обеспечивалась наличием активно действовавшей в России и Германии военной цензуры, зорко следившей за направленностью публикаций.

В России официально запретили использование немецкой речи в публичных местах, а заодно пытались изъять и речевые заимствования, укоренившиеся в литературном языке. Правительственных решений на этот счет не было, зато за дело принялись периодические издания, рассматривавшие этот вопрос через призму проникновения немецкого влияния в различные области жизни.

Ярким примером может служить подготовленная публикация от «Бюро русских журналистов» за 2 июня 1915 года. В статье «Немецкая шелуха» говорилось о большом количестве немецких слов, внедрившихся в русский обиход: «Русской хозяйке не приходится, например, в голову, что слова кухарка, бутерброд, вафли, крендели, паштеты, клецки, фарш и т. д. – это как раз та немецкая шелуха, без которой русское хозяйство могло бы обойтись совершенно свободно. В области наших развлечений кегли, танцы и фейерверки – настоящий немецкий налет» [20, л. 3 об.]. Далее упоминалось употребление других заимствований из немецкого языка в самых различных сферах: в одежде – галстуки, обшлага, позументы, аксельбанты, канты, кители, лампасы, лацканы, фраки, шлафроки, муфты, рейтузы, шлейфы, шнуры, штиблеты, штрипки; в служебной деятельности – ассесоры, гофгерихты, ратуши, аккредитивы, апробации, акты, проекты, ордера и рапорты; в живописи – абрис, ландшафт, блок, мольберт, масштаб, папка, рейсфедер; в медицине – пластырь и шрамы [20, л. 3 об.]. Автор публикации не только настаивал на замене немецких слов в

русском языке, но и вслед за изгнанием немецких подданных из России предлагал освободить от якобы процветавшего немецкого влияния русскую школу и науку.

В России с началом войны Штаб верховного главнокомандующего предлагал активнее использовать периодическую печать для показа нравственных недостатков, присущих или якобы присущих противнику. Такого рода публикации в итоге должны были способствовать развитию в солдатах «чувства глубокой ненависти к врагу, а вместе с тем подчеркнуть все отрицательные стороны попадания в плен» [9, л. 109]. В результате периодические издания, опережая друг друга, включились в формирование на своих страницах образа врага, используя все литературные и художественные возможности: от фундаментальных романов до карикатур.

Русский поэт и публицист Георгий Владимирович Иванов, критически оценивая особенности литературных произведений начального периода войны, иронизировал: «...огромный роман Сологуба “Острие меча”, где повествовалось о трех генеральских дочерях-невестах. Жених одной – прекрасный француз, другой – джентльмен-англичанин, третьей – немец, исчадие ада. Союзные женихи совершают чудеса доблести и благородства, немец насилует детей, взрывает Реймский собор и “коварно” убивает в бою жениха-француза. Попутно три сестры ходят босыми ногами по предутренней росе и “видят вещие сны”» [15, с. 244].

В конце 1912 г., то есть незадолго до начала войны, для сохранения тайны при освещении важных вопросов обороны страны был утвержден «Перечень сведений по военной и военно-морской частям, оглашение коих в печати воспрещается». В январе 1914 г. был опубликован новый «Перечень», а 12 июля 1914 г. в условиях изменившейся внешнеполитической ситуации появился еще один переработанный вариант этого документа. Причем, естественно, каждый раз изменения предполагали увеличение тем, затрагивать которые прессе было категорически запрещено.

Начало войны вызвало к жизни новые запреты на распространение сведений, связанных с численностью и составом воинских частей, с их расположением и возможным пере-

мещением. Печати было запрещено делать описание вооружения, довольствия, санитарного состояния. Не допускались рассуждения о боевых качествах, военных укреплениях, производстве заказов военного ведомства, складах, предстоящей мобилизации. Новые запрещенные темы касались состояния транспорта и связи, а также нельзя было писать о поимке шпионов и суде над ними. Технические достижения предопределили запреты в духе времени: на фотографические снимки, эстампы, рисунки, то есть любые изображения, содержавшие секретные сведения [26, л. 91, 91 об., 92].

«Перечень» должен был служить для военных цензоров ориентиром в запретах на публикацию статей и заметок. Однако, хотя в документе ничего не говорилось о запрете рассуждений о возможностях заключения мира, о необходимости всем странам предпринять шаги к мирному урегулированию конфликта, уже продемонстрировавшего в первые месяцы всю пагубность его для народов, любые рассуждения на эту тему в материалах печати были запрещены как в начале войны, так и вплоть до 1917 года.

Подтверждает сказанное практика функционирования военной цензуры при Петроградском комитете по делам печати. В журнале заседания общего собрания военных цензоров 23 декабря 1914 г. «генерал-майор Н.Н. Тарасевич доложил о разрешенном для “Петроградского курьера” письме офицера, который между прочим спрашивает: не слышно ли чего о мире. Постановлено: никаких упоминаний о мире ни в коем случае в печати не допускать» [14, л. 22 об.].

Это произошло в конце декабря 1914 г., а в начале февраля 1915 г. председательствующий С.Е. Виссарионов указал, что в № 31 (132) «Маленькой газеты» была напечатана статья под заглавием «Первая анкета “Маленькой газеты” о счастье», в которой на вопрос: «В чем заключается счастье?» – был дан ответ: “Скорое окончание войны” и “8-ми часовой рабочий день”. Эти строки не подлежат пропуску» [14, л. 38 об.].

В «Журнале заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати», относящемся уже теперь к январю 1916 г., были обсуждены допущенные нару-

шения в прессе. «В статье, под названием “По поводу мира”, напечатанной в газете “Голос” от 24 января, остались не исключенными следующие строки: “Союзники желают мира, по крайней мере, столь же страстно, как и германская коалиция, но, к сожалению, момент для заключения мира еще не наступил...”» [13, л. 2]. Таким образом, в начале 1916 г., как и в конце 1914 г. и в феврале 1915 г., упоминание о мире, а точнее, сожаление по поводу того, что еще не наступило время, когда можно рассчитывать на его достижение, приравнивалось к нарушениям, которые мог использовать в своих интересах противник.

Печать всех воюющих стран твердила о миролюбивости своих правительств, вслед за тем, по мере приближения войны, – о несправедливости выдвигаемых противником требований, а перед началом мобилизации – о вынужденности и неизбежности участия в военных действиях [8, с. 72–73]. Однако практически везде собственным противникам войны приписывались только отрицательные свойства, поскольку сформированные представления о врагах в своем населении, об их коварстве, кровожадности, пренебрежении к высшим ценностям не допускали возможности примирения с ними. Исключением являлась лишь Великобритания, в которой военно-цензурные запреты распространялись на попытки пропаганды против призыва в армию, на сообщения о забастовках на военных предприятиях и верфях. Однако не запрещалось выражать мнение о том, что войны можно было бы избежать, что она должна быть немедленно прекращена путем переговоров [30, р. 118].

Результаты. Авторы исследования не исходят из представления, что периодической печати принадлежала решающая роль в обсуждении общественно значимых вопросов и проблем, связанных с участием России в мировой войне. Пресса выступала в качестве лишь одного, хотя и очень важного, элемента публичной сферы, в рамках которой происходило формирование общественного мнения. Однако, очевидно, что в переходные периоды общественного развития важность участия печати в социальных процессах неизмеримо возрастала.

В статье, насколько позволяют ее объемы, представлены факты, свидетельствующие

например, об особой роли командования армии и военной цензуры в становлении особого режима публичности, в том числе «интеллектуальной мобилизации». Поставленная цель достигалась при помощи выработки ряда важных концептуальных подходов к оценке существовавшей структуры публичной коммуникации.

Публичная сфера в годы Первой мировой войны была тесным образом связана с коллективной формой понимания социальной действительности, а значит проблему войны / мира можно и следует анализировать через призму публичности. В итоге механизмы публичной сферы выполнили одну из ключевых задач, стоявших перед правительствами всех воевавших государств. При ее непосредственном участии произошла мобилизация населения во всех областях его практической деятельности: от профессоров университетов, до домохозяек, принимавших участие в благотворительной деятельности на пользу фронта.

Война показала, какую огромную роль может играть пропаганда в мобилизации населения, но она продемонстрировала и способность приносить обратные результаты. Очевидно, что ее шансы добиваться ожидаемого эффекта реализуются только в условиях, когда ограничены возможности источников информации транслировать альтернативные точки зрения.

Как отмечалось, в самом начале войны пресса была солидарна с властью в вопросах о неизбежности будущей победы России и о необходимости защиты Отечества от вражеского нападения. Сложнее обстояло дело с вопросом о продолжительности военных действий и наступлении мира.

Все страны-участники были убеждены, что война завершится уже к началу зимы, но по мере переноса сроков ее окончания и параллельного роста социальных проблем, вызванных войной, менялось и отношение к вопросу скорейшего заключения мира, постепенно трансформируясь в публичной сфере в ненависть ко всем актерам войны. При этом место вражеских правительств, развязавших войну, заняла собственная власть.

Вероятно, если бы население можно было убедить в том, что завтра война будет остановлена и наступит долгожданный мир,

начавшиеся процессы удалось бы затормозить. Однако газеты на этот счет молчали, поскольку цензура не допускала на их страницы подобную информацию. По мере нарастания внутривосточного кризиса в стране при помощи пропаганды формировались новые мифы, усиливалась проправительственная риторика, росло давление со стороны цензуры на средства информации, но трансформация публичной сферы обрела необратимый характер, во многом предопределив события 1917 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапов, В. Л. Последняя война : Россия в Первой мировой войне в зеркале дальневосточной прессы / В. Л. Агапов. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. федер. ун-та, 2018. – 456 с.
2. Алферова, И. В. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны / И. В. Алферова, В. Ф. Блохин // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3 (53). – С. 63–84.
3. Альбомы и корректуры газетных статей и заметок, запрещенных или разрешенных с исключениями // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 1–42.
4. Асташов, А. Б. Военная цензура и настроения солдат в русской армии накануне Февральской революции / А. Б. Асташов, П. Симмонс // Русский сборник. Исследования по истории России. – М. : Модест Колеров, 2015. – Т. XVIII. – С. 423–442.
5. Бережной, А. Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны / А. Ф. Бережной. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 152 с.
6. Блохин, В. Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Вольный») / В. Ф. Блохин // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. – СПб. : Рос. нац. б-ка, 2017. – С. 169–186.
7. Блументаль, Ф. Буржуазная политработа в мировую войну, 1914–1918 гг.: обработка общественного мнения / Ф. Блументаль. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 168 с.
8. Волковский, Н. Л. История информационных войн : в 2 ч. / Н. Л. Волковский. – СПб. : Полигон, 2003. – Ч. 2. – 736 с.
9. Дежурному генералу штаба армий Северо-Западного фронта – из штаба Верховного главнокомандующего // Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 2048. – Оп. 1. – Д. 910. – Л. 109–109 об.
10. Жилиякова, Н. В. Цензура периодической печати как предмет междисциплинарных исследований / Н. В. Жилиякова // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума, Санкт-Петербург, 18–19 апр. 2019 г. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2019. – С. 257–259.
11. Жирков, Г. В. Первая мировая война и трансформация парадигмы журналистики / Г. В. Жирков // Век информации. – 2015. – № 2. – С. 77–97.
12. Жирков, Г. В. От «народной» войны к народной трагедии: история русской журналистики 1914–1918 годов : учеб. пособие / Г. В. Жирков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та : Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2012. – 98 с.
13. Журналы заседаний военных цензоров и членов Петроградского комитета по делам печати. 12 января 1916 – 14 июня 1916 // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 1–18.
14. Журналы заседаний военных цензоров при Петроградском Комитете по делам печати. 13 августа 1914 – 1 марта 1916 // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1–116.
15. Иванов, Г. В. Собрание сочинений : в 3 т. / Г. В. Иванов. – М. : Согласие, 1993. – Т. 3. – 720 с.
16. Ласвель, Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель. – М. ; Л. : Гос. изд-во. Отдел военной литературы, 1929. – 199 с.
17. Лукоморье. – 1914. – № 17. – 6 авг.
18. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман. – М. : Практика, 2005. – 253 с.
19. Меньшиков, А. С. Метафизика и генеалогия: Первая мировая война в оценке философов и литераторов / А. С. Меньшиков // Вестник Пермского университета. – 2018. – Вып. 3 (42). – С. 89–96. – DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-89-96.
20. Немецкая шелуха // Бюро русских журналистов. К бюллетеню № 739. 2 июня // РГИА. – Ф. 778. – Оп. 2. – Д. 235.
21. Несовершенная публичная сфера. История режимов публичности в России : сб. ст. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 744 с.
22. Патрушева, Н. Г. Первая мировая война и цензурные учреждения России / Н. Г. Патрушева // Журналистика и война. К 100-летию Первой мировой войны. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та : Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций, 2015. – С. 155–163.
23. Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. Т. 6 : Итоги и последствия войны. – М. : Кучково поле, 2017. – 848 с.
24. Потапов, Н. М. Печать и война / Н. М. Потапов. – М. ; Л. : Гос. воен. изд-во, 1926. – 82 с.
25. Поэзия для тугоухих. Расцвет // Лукоморье. – 1915. – № 42. – 17 окт.

26. Приложение к приказаниям по армии № 1. Перечень // РГВИА. – Ф. 2019. – Оп. 1. – Д. 715. – Л. 91–92.

27. Сорокин, П. А. Дальняя дорога : автобиография / П. А. Сорокин ; пер. с англ., общ. ред., предисл. и примеч. А. В. Липского. – М. : Моск. рабочий : ТЕРРА, 1992. – 303 с.

28. Стюарт, К. Тайны дома Крю. Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. / К. Стюарт. – М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. – 124 с.

29. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы : Исследования относительно категории буржуазного общества : пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2016. – 342 с.

30. Cook, E. T. The press in war-time, with some account of the Official press bureau / E. T. Cook. – L. : Macmillan, 1920. – 164 p.

31. Demm, E. Censorship and Propaganda in World War I. A Comprehensive History / E. Demm. – L. ; N. Y. : Bloomsbury Publishing, 2019. – 348 p.

REFERENCES

1. Agapov V.L. *Posledniaia voina: Rossiia v Pervoi mirovoi voine v zerkale dalnevostochnoi pressy* [The Last War: Russia During World War I in the Mirror of the Far Eastern Press]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta, 2018. 456 p.

2. Alferova I.V., Blokhin V.F. «Gasilnik narodnogo dukha»: tsenzurnye ogranicheniia v osveshchenii geroizma frontovikov vo vremia Pervoi mirovoi voiny [“Extinguisher of the Folk Spirit”: Censorship Restrictions in Highlighting the Heroism of Front-Line Soldiers During World War I]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2017, no. 3 (53), pp. 63-84.

3. Albomy i korrekturnykh gazetnykh statei i zametok, zapreshchennykh ili razreshennykh s isklucheniiami [Albums and Proof Leaves of Newspaper Articles and Paragraphs, Prohibited or With the Exceptions Allowed]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RSHA)], f. 778, inv. 2, d. 1, l. 1-42.

4. Astashov A.B., Simmons P. Voennaia tsenzura i nastroeniia soldat v russkoi armii nakanune Fevral'skoi revoliutsii [Military Censorship and the Mood of Soldiers in the Russian Army on the Eve of the February Revolution]. *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2015, vol. 18, pp. 423-442.

5. Bereznoi A.F. *Russkaia legalnaia pechat v gody Pervoi mirovoi voiny* [Russian Legal Press During World War I]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1975. 152 p.

6. Blokhin V.F. Voennaia tsenzura perioda Pervoi mirovoi voiny i periodicheskaia pechat «armeiskikh raionov» (na materialakh gazety «Volyn») [Military Censorship of World War I and the Periodic Press of “Army Districts” (As Exemplified in the Newspaper “Volyn”)]. *Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost: sb. nauch. tr.* [Censorship in Russia: History and Modernity. Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2017, pp. 169-186.

7. Blumental F. *Burzhuznaia politrabota v mirovuiu voinu, 1914–1918 gg.: obrabotka obshchestvennogo mneniia* [Bourgeois Political Work During the World War of 1914–1918: Manipulating Public Opinion]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 168 p.

8. Volkovskii N.L. *Istoriia informatsionnykh voyn: v 2 ch.* [History of Information Wars. In Two Parts]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2003, part 2. 736 p.

9. Dezhurnomu generalu shtaba armii Severo-Zapadnogo fronta – iz shtaba Verkhovnogo glavnokomanduiushchego [To the Duty General of the Headquarters of the Armies of the North-Western Front – From the Headquarters of the Supreme Commander]. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)* [Russian State Military Historical Archive (RSMHA)], f. 2048, inv. 1, d. 910, l. 109-109r.

10. Zhiliakova N.V. Tsenzura periodicheskoi pechati kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy [Censorship of Periodical Press As a Subject of Interdisciplinary Research]. *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniia: sb. materialov Mezhdunar. nauch. foruma, Sankt-Peterburg, 18–19 apr. 2019 g.* [Media in the Modern World. The 58th Saint Petersburg Readings. The International Scientific Forum Collection of Papers (Saint Petersburg, April 18–19, 2019)]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019, pp. 257-259.

11. Zhirkov G.V. *Pervaia mirovaia voina i transformatsiia paradigmy zhurnalistiki* [World War I and the Transformation of the Journalism Paradigm]. *Vek informatsii*, 2015, no. 2, pp. 77-97.

12. Zhirkov G.V. *Ot «narodnoi» voiny k narodnoi tragedii: istoriia russkoi zhurnalistiki 1914–1918 godov: ucheb. posobie* [From the “People’s” War to the People’s Tragedy: The History of the Russian Journalism of 1914–1918. Textbook]. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy, 2012. 98 p.

13. Zhurnaly zasedanii voennykh tsenzurov i chlenov Petrogradskogo komiteta po delam pechati. 12 ianvaria 1916 – 14 iyunia 1916 [Minute Books of

Military Censors and Members of the Petrograd Press Committee. January 12, 1916 – June 14, 1916]. *RGIA* [RSHA], f. 778, inv. 1, d. 4, l. 1-18.

14. Zhurnaly zasedanii voennykh tsenzorov pri Petrogradskom Komitete po delam pechati. 13 avgusta 1914 – 1 marta 1916 [Minute Books of Military Censors of the Petrograd Press Committee. August 13, 1914 – March 1, 1916]. *RGIA* [RSHA], f. 778, inv. 1, d. 6, l. 1-116.

15. Ivanov G.V. *Sobranie sochinenii: v 3 t* [Collected Works. In 3 Vols.]. Moscow, Soglasie Publ., 1993, vol. 3. 720 p.

16. Lasvel G. *Tekhnika propagandy v mirovoi voine* [Propaganda Technique During the World War]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. Otdel voennoy literatury, 1929. 199 p.

17. *Lukomorye*, 1914, no. 17, August 6.

18. Luman, N. *Realnost massmedia* [Massmedia Reality]. Moscow, Praksis Publ., 2005. 253 p.

19. Menshikov A.S. *Metafizika i genealogiia: Pervaia mirovaia voina v otsenke filosofov i literatorov* [Metaphysics and Genealogy: World War One in the Assessment of Philosophers and Literators]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2018, iss. 3 (42), pp. 89-96. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-89-96.

20. Nemetskaia shelukha [German Husk]. *Byuro russkikh zhurnalistov. K byulletenyu № 739. 2 iyunya* [Bureau of Russian Journalists. To Bulletin No. 739. June 2]. *RGIA* (RSHA), f. 778, inv. 2, d. 235.

21. *Nesovershennaya publichnaya sfera. Istoriya rezhimov publichnosti v Rossii: sb. st.* [Imperfect Public Sphere. History of Publicity Regimes in Russia. Collection of Articles]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 744 p.

22. Patrusheva N.G. *Pervaia mirovaia voina i tsenzurnye uchrezhdeniia Rossii* [World War I and the Censorship Institutions of Russia]. *Zhurnalistika i voina. K 100-letiiu Pervoi mirovoi voiny* [Journalism

and War. To the 100th Anniversary of World War I]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyi universitet: Vysshaya shkola zhurnalistiki i massovykh kommunikatsiy, 2015, pp. 155-163.

23. *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov. V 6 t. T. 6: Itogi i posledstviya voyny* [World War I, 1914–1918. In 6 Vols. Vol. 6. The Outcome and Consequences of the War]. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2017. 848 p.

24. Potapov N.M. *Pechat i voina* [Press and War]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo, 1926. 82 p.

25. *Poeziia dlia tugoukhikh. Rastsvet* [Poetry for the Hard of Hearing. Flourishing]. *Lukomorye*, 1915, no. 42, October 17.

26. *Prilozhenie k prikazaniiam po armii № 1. Perechen* [Appendix to the Army Orders No. 1. List]. *RGIA* [RSMHA], f. 2019, inv. 1, d. 715, l. 91-92.

27. Sorokin P.A. *Dal'nyaya doroga: avtobiografiya* [Long Road. Autobiography]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., TERRA Publ., 1992. 303 p.

28. Stiuart K. *Tainy doma Krii. Angliiskaia propaganda v mirovuiu voinu 1914–1918 gg.* [The Secrets of Crewe's House. English Propaganda During the World War of 1914–1918]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. 124 p.

29. Khabermas Iu. *Strukturnoe izmenenie publichnoi sfery: Issledovaniia otnositelno kategorii burzhuaznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2016. 342 p.

30. Cook E.T. *The Press in War-time, With Some Account of the Official Press Bureau*. London, Macmillan, 1920. 164 p.

31. Demm E. *Censorship and Propaganda in World War I. A Comprehensive History*. London, New York, Bloomsbury Publishing, 2019. 348 p.

Information About the Authors

Ekaterina A. Antyukhova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of World Political Processes, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, e.ant1507@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Valerii F. Blokhin, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Russian History, Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bezhitskaya St, 14, 241036 Bryansk, Russian Federation, blohin.val@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0254-6093>

Информация об авторах

Екатерина Андреевна Антюхова, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, e.ant1507@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0860-4792>

Валерий Федорович Блохин, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, ул. Бежицкая, 14, 241036 г. Брянск, Российская Федерация, blohin.val@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0254-6093>